

Александр КОСТЮНИН

г. Петрозаводск

СОЦВЕТИЕ «ДАГЕСТАН»

Фрагменты книги

Ахи*

*Путник, если ты обойдешь мой дом,
Град и гром на тебя, град и гром!
Гость, если будешь сакле моей не рад,
Гром и град на меня, гром и град!*

Надпись на дверях

Завершилось моё странствие по Дагестану. Я перебираю чётки, подаренные Керимханом, и вспоминаю... вспоминаю.

Каждое звено, каждая бусинка — ещё один аул, ещё одна гостеприимная сакля, ещё одна встреча на годекане*. В облачении дервиша я объехал, обошёл все сорок два района. И, поставив точку, ритуально сжёг обветшавшее одеяние во дворе Мугутдина за день до отъезда... У горцев есть поговорка: «Из одного цветка и змея добывает свой яд, и пчела — мёд». Соцветие «Дагестан» — это духовное богатство и самобытность более тридцати народов, культур, это букет языков, конфессий...

палитра природы. На соцветии под названием Дагестан я кропотливо собирал мёд. Если бы вы только знали, сколько мудрых людей повстречал я на своём пути, сколько песен, легенд, исповедальных хабаров услышал, сколько появилось у меня на родине Расула Гамзатова кунаков...

И вдруг озарило: подобная поездка — чудо. Великое чудо, откровение и подарок.

Всевышнему баркала*!

Прошла неделя, как я оставил своё сердце там, в горах, и чувство восторга потихоньку вытесняет грусть. Приехать в Страну Гор легко, покинуть её невозможно... Едва расставшись, скучаю по своим названным братьям, скучаю по Дагестану. (Впору об этом возвещать азаном*, точно муэдзин*). Друзья, родственники не могут понять, принять, когда в качестве приветствия я, по привычке, произношу:

— Ассаламу алейкум*!

Прошла всего одна неделя, что же будет дальше?

И ещё: эту поездку я воспринимаю как поручение свыше...

Если черпать информацию из СМИ, в Дагестане уже давно не осталось камня на камне. Когда только прибыл в Махачкалу (это было в самом начале поездки), супруга дозвонилась по мобильнику и с тревогой спросила, сильно ли разрушен город? Вернулся в Карелию, на свою малую родину, отправляю книги кунакам, работница почты интересуется: «Дагестан — это Россия?» Стёпа полюбопытствовал: «А деньги там какие? Как у нас, так и у них?»

Да, несомненно, рассказать о Дагестане — моя миссия.

Рассказать всем, кому это интересно.

Для начала пооткровенничаю с женой: «В Махачкале разрушения случаются... разрушения ветхого фонда, потому как город строится и хорошеет на глазах». И в доказательство предъявлю фотоснимки. Проведу разъяснительную работу в отделении связи и раскрою им великую тайну: «Дагестан почти два века находится в составе России». Стёпе непременно покажу деньги, которые там в ходу... Я извернусь убедить страждущих, что Дагестан, Пакистан, Афганистан — не одна и та же страна...

К этой работе, неподъёмной, ответственной и одновременно увлекательной, — уже приступил. Но торопливость в таких делах — помощник плохой. Как утверждает легендарный Шамиль из Хунзаха: «Аллах не любит спешки в важных делах!»

Сейчас я вам покажу только несколько ячеек будущих сот...

* * *

Основа каждого государства, любого общества, народа — семья. Это самая бесконечная, непреходящая ценность человечества. Но что мы видим? Страны, достигшие небывалых, беспорных, невиданных-слышанных высот в построении демократии и экономики, в вопросах семьи почему-то оказываются отсталыми. Да, видимость есть. Лозунги красивые. Но по сути самой семьи-то нет. Права мужа — отдельно, права жены — отдельно, права ребёнка — отдельно. Не дай бог мать скажет: «Я тебя пожу-

рю!» или «Отшлёпаю!» — ребёнка забирают в приют, а мать — в тюрьму. И считается, что это общество наилучшее. Цивилизованное.

Демократические преобразования приводят к тому, что право личности становится выше прав общества. Великолепные достижения! Европа заплатила за них высокую цену — кровью. Но в итоге семьи-то нет! Европа как раз и вырождается лишь потому. (Подсчитано: если в семье один ребёнок, генофонд общества погибает через сто пятьдесят лет.) Они будут вынуждены вернуться назад и укреплять устои семьи. Или европейские народы растворятся и исчезнут совсем. Как утопический проект. Отомрут, как высохшая, не способная к плодоношению ветвь яблони.

Совсем другое дело российский Восток. Сегодня в Дагестане слово старшего — авторитетней суда юридического. Решение родителей для детей — высший вердикт.

Да, в Дагестане несколько фривольно относятся к соблюдению законов, но здесь есть нечто более важное, чем законы. Здесь есть семейные и общественные ценности. Вековые традиции. Адааты.*

Новый президент Магомедсалам Магомедов стремится навести порядок в республике, искоренить взяточничество. Светские методы борьбы отторгаются джамаатом...* Однако в исламе существует неписаное правило: если мусульманин поклянется на Коране и нарушит клятву, то Аллах накажет клятвоотступника и его близких. Причём не важно: верите вы в это или нет, проклятие действует даже на атеистов-кафиров. Шейх-устазу Саиду-Афанди из села Старый Чиркей я высказал идею: «Может, перестать выяснять, кто брал взятки, кто не брал. Пусть каждый чиновник в присутствии духовного лица поклянется на Коране, что не примет мзду с сегодняшнего дня». Саид-Афанди аль-Чиркави идею горячо поддержал. Спросите сами...

Не скрою, пользуясь редким случаем, я обратился к святому старцу с личной просьбой... Нет, я просил не золота и должностей, не жизни вечной...

— Помогите мне написать книгу о Дагестане. Лучшую!

Он обещал.

Адаты в Дагестане имеют огромную силу.

Горцы хорошо знают, как встречать гостей, как провожать. Что должно быть впереди, что сзади. Дети знают место своё, родители — своё, бабушки-бабушки — своё.

А вся Европа иступлённо гордится социальными отстойниками — «хоспис» именуется: полюбуйтесь, какой заботой мы окружили стариков! В Америке информируют великовозрастных детей: «Ваша мать умерла. Какие будут распоряжения?» — «Похороните, расходы оплачу». И всё!

Всё, на что готовы дети.

Мне кажется, это страшно...

На Востоке избавляться от собственных родителей не принято. Это считается предательством и строго запрещено. Харам*! Сын, который взял на себя этакий грех, — проклят тухомом*. Упрёк-вопрос: «Ях-намус*?» — стеганёт по лицу большей плети.

В Европе всю процедуру погребения нороят обстригать тихохонько: не дай бог ненароком омрачить, потревожить соседей. Стараются, чтобы человек ушёл из жизни максимально незаметно.

В Дагестане всё откладывают, идут хоронить.

В Дагестане — другие ценности.

Майор погранвойск Игорь Сергеевич.

Отслужил в Дагестане двенадцать лет, получил повышение, переводится на новое место службы. Выборг, Российско-финляндская граница. Я присутствовал на щедрой отвалной... Познакомились: родом из Нижнего Новгорода, отец, мать, сестра...

Разговорились по душам:

— Не поверишь... Сижу в питерском ресторане с генералами... Принесли счёт. Каждый в уме прикидывает и расплачивается только за се-е-бя!.. Ума не приложу, как я буду жить с этими «урусами»?!

— Игорь, а сам-то ты кто?!

— Я-то... чернож...пый!!!

Да, на Востоке не всё идеально. Было бы просто неумно идеализировать Восток. Если существуют какие-то успехи, преимущества, разумеется, чего-то не хватает. То же самое в Европе с Америкой, где достигнут пик социально-эконо-

мических преобразований... В силу физики-математики: где-то — густо, где-то — пусто. (И закон компенсации гласит: «Если одна нога короче, вторая обязательно длиннее!»)

Я думаю, что знаю, чего не хватает в Европе с Америкой...

Там нет искренности.

Там нет душевной теплоты, какую встретил в Дагестане.

Там и богатство — не баракат*.

Там все, улыбаясь, интересуются: «How are you?» Но не дай бог ты остановишься и начнёшь рассказывать, как именно ты «хаваешь»... Мало того, никто слушать не будет, все сочтут: сумасшедший!

К сожалению, цивилизация убивает прямодушие и теплоту. Чем больше мы стремимся к цивилизации, тратим усилий, достигая блага её, тем сильнее теряем Человека в себе. Сейчас-то я точно знаю: самые открытые люди живут в горах. В горской сакле нет джакузи, удобства — на улице, но зато теплее, искреннее на свете людей не сыскать.

Это истинная правда!

Это так.

Родину не выбирают. Моя малая родина — Карелия, вера — православная. Но это не должно мешать слышать других людей, другие народы. Как говорит Гамзат из селения Леваши: «Я привык спать на левом боку, но тот, кто спит на спине, мне не враг!»

Сегодня произошло смещение понятий. Когда говорят о диалоге цивилизаций, то в реальности одна цивилизация пытается якобы понять другую. Не нужно понимать! Вникать нужно, изучать нужно. Любить надо её!

Прошла неделя, как уехал из Дагестана...

И тоска, вселенская тоска... охватывает, когда понимаю, что с людьми, ставшими дорогими, не могу увидеться когда захочу.

Они запали в душу мою и заняли там особое место:

Мугутдин из Дербента, Майрудин из села Касумкент, Демир из села Ахты, Керимхан из Докузпаринского района, Камиль и Али из Хивского района...

Я перебираю чётки-имена...

...Масан из Кураха, Рашид из села Кули, Юсуп из Кумуха, легендарный Шамиль из Хунзаха, Гапар из села Хебда, Магомед из села Генух, Мухтар из Казбековского района, Мурад из Терекли-Мектеб, Магомед из Кизилюрта, Сайгидпаша из Хасавюрта, Гамзат и Арслан из села Леваша, Сабир из Дербента...

Это те соцветия Страны языков, которые даровали мне нектар.

Солнечный нектар мыслей, чувств... нектар слов.

Остаётся теперь превратить его в мёд и вернуть людям.

Кинсабиану! Дерхаб! Сахли!

Или попросту – киндерсах!

Словарь

Ахи (**собств.**) – жанр народно-поэтического творчества – противоположный причитаниям, воплям, плачу – в котором автора перехлёстывают восторженные эмоции.

Годекан – центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода.

Баркала – спасибо (*аварск.*).

Ассаламу алейкум! (*араб.* – мир Вам; дословно: мир на Вас) – исламское приветствие.

Хабар – рассказ, молва, слух.

Азán (*араб.*) – в исламе призыв к молитве.

Муэдзин – читающий азан.

Адат (*от араб.* – обычаи, привычки) – у тюркских и ряда других народов – обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникшее и существовавшее у этих народов в доисламский период.

Джамаат (*от араб.* «джамаа» – общество, коллектив, община) – объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой.

Ях-намус – совесть, мораль.

Харам (*араб.*) – в шариате запретные действия.

Тухум – родственная группа у народов Кавказа.

Баракат – (с арабского языка означает «благодать, небесный дар»). С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат – это Божественная тайна. Баракат – это прибавление и дополнение.

Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! – тост соответственно на лакском, даргинском и аварском языках с пожеланиями здоровья и всего хорошего.

Устаз – наследник Пророка.

Хабар директора музыкальной школы

*Учителю посвящается
(Мама, в первую очередь тебе!)*

«Учатся у тех, кого любят».

Иоганн Вольфганг Гёте

Директор школы искусств попался немногословный:

– Зовут Агаев Магомед. Родился первого апреля...

– Какой несерьёзный день.

– ...пятьдесят девятого года. В Татляре окончил начальную школу, с четвёртого класса – в Дербенте, интернат №1. Вот, пожалуй, и всё, что могу поведать о себе такого...

Я разочарованно отодвинул блокнот. На белой странице сиротливо повисла короткая строчка. (Называется: «Послушал интересно собеседника!»)

– Вы лучше напишите про моего учителя музыки.

– ?..

— Антонин Карлович Качмарик — чех по национальности... Ему лет семьдесят было. Совершенно слепой — пустые глазницы. Кажется, сам недуг этот физический — горькая плата небесам за великий талант педагога. Всегда в круглых чёрных очках, с тросточкой, и наперевес сутулой фигуры — баян...

* * *

Не забуду первые дни в интернате...

Внизу — классы, на втором этаже — жилые комнаты. Какое-то всё незнакомое, одинокое, чужое... После уроков я болтался по пустым коридорам. Притирался к углам... Никого не знаю. Коридоры тёмные, длиннющие, потолки высокие. Это тебе не уютные саманные сакли в нашем ауле... Каждый шаг отзывается гулким эхом: «Бух — ббу-уух». И тут слышу приглушённые звуки живой музыки... Я, точно зачарованный мотылёк, поплыл на огонь (музыка нравилась мне). Остановился у двери актового зала. Стою себе, слушаю. Интересно... Тихонечко, стараясь не скрипнуть, потянул тяжёлую дверь, подглядываю в щёлку: седой старик в чёрном костюме играет на баяне, дети с незнакомыми музыкальными инструментами. Вдруг баянист поднимает руку, оркестр замирает... старик резко поворачивается лицом ко мне... На глазах у него круглые чёрные очки.

Сле-пооой!

Сперва дёру хотел дать... Что-то остановило...

— Кто-оо там?

Голову просунул поникшую:

— Агаэв... Магомэд.

— Ну-ка, заходи.

Я парень сельский, как такового русского не знал. Захожу.

— Так, говоришь, Магомед?

— Ы-ыы, — киваю.

— Редкое имя. Откуда ты?

— Татляр.

Он обращается ко мне, а я не знаю, куда смотреть. Глаз не видно...

— В каком классе?

— Чэтырэ, — для верности показываю на пальцах.

Все дети глазют на меня, но никто не смеётся.

— Тебе музыка нравится?

— Так-то нравытца...

Он пальцами отстучал по столу ритм:

— Повтори.

Пересилив робость, я повторил. Самому даже интересно...

— Приходи завтра после уроков на кружок.

Ночью мне снился слепой старик в круглых чёрных очках: он водил меня за руку от кларнета к скрипке, от скрипки к балалайке, к баяну и что-то разъяснял...

Хотя я не умел играть ни на одном инструменте, какие-то данные у меня, похоже, были. Отец мой неплохо играл на зурне.

На другой день еле дождался конца уроков — бегом в зал. Постучался.

— А, Магомед, заходи.

Старик говорил, а голова при этом непривычно — в сторону. То одним боком, то другим... Будто собеседника ищет. Задумчиво подходит к пианино:

— Запомнишь, какие ноты возьму?

И стал по очереди перебирать клавиши. Звуки мне в слух врезались. Я в той же последовательности нажал гладкие чёрно-белые палочки.

Он пропел:

— Ля... ля-ля... Сможешь повторить?

Я спел.

— А вот так: та-та-та-та-тааа...

Я опять.

— Магомед, ты способный мальчик, у тебя всё получится.

Жарко стало! Слова такие... Бабушка Патимат любит повторять: «Если похвалить, даже ослиный помёт подпрыгнет».

Сначала я не знал ничего. Он растолковывал:

— Нотный стан состоит из пяти линий. И есть семь ног: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Всего семь.

— Как цветов в радуге? — простодушно спросил я.

Старик замолчал, будто споткнулся... По лицу пробежала грусть.

— Да, как в радуге... Начерти пять горизонтальных линий. Ниже поставь точку: там нота «до» пишется.

Оказывается, «до» рисуют на добавочной.

Мы разучивали с ним ноты — четвертные,

восьмые, шестнадцатые... Он не мог мне показать и написать ручкой или мелом... Всё обозначал богатой мимикой, голосом. Я пишу за ним под диктовку, а сам вслух проговариваю, куда какой кружок рисую. Антонин Карлович учил азам. Служил мне... поводырём в мире музыки! В оркестре было много разных инструментов: домра, балалайка, тромбон, контрабас. Хотя не на всех играл, но знал он их досконально.

Я был пытливым. И так увлекательно с ним заниматься, словно искра... пробежала между нами...

Через месяц на одном из занятий он спросил:

— Магомед, какой инструмент тебе ближе других?

— Вот.

Я бережно взял в руки кларнет и передал учителю. На кларнете тогда у нас играли везде: на свадьбах, сельских праздниках...

— Возьми его, поставь мундштук и дунь. Просто дунь. Получится нота «соль». Палец на первую клавишу — это «ми».

Дую.

— Магомед, мальчик мой, неправильный звук. Ты недостаточно воздуха дал. Прижми трость плотнее, мундштук глубже. Постановку губ измени. Чиркни язычком!.. Сделай «ту», как семечки лузгаешь...

И начал показывать: в один день — один звук, в другой день — другой.

Кларнет — небывало сложный инструмент. Но постепенно, постепенно... Не одним днём, месяцами продолжалась учёба. Стало получаться и... нравиться: «Я сам могу на кларнете звук издавать!» А когда смог по-настоящему сыграть... О! Клянусь, гордился собой. Подошло время, он выдал мне кларнет на постоянно. Принял в оркестр. Так же я осваивал домру, балалайку... Зимой на школьном вечере солировал. Летал... на небесах от восторга. Девочки-одноклассницы подпевали.

Спустя год я стал в оркестре «первой скрипкой».

Когда начинали изучать новое произведение, я читал его вслух по нотам:

— Ми-четвертная, соль-восьмая, две ми-восьмые, до-шестнадцатая...

Он всё запоминал. Мы играем — он слушает.

Вдруг останавливает. Едва заметная гримаса передёргивает морщинистое лицо:

— Какая там нота идёт?

— Восьмая.

— Ты неправильно сказал, мальчик мой. Не может быть восьмая, посмотри внимательнее...

Благодаря абсолютному музыкальному слуху он заявлял это так уверенно, будто не я читал ноты, а он...

— Вы правы, Антонин Карлович!

Когда приближались большие праздники — Первое мая, День Советской армии или День Победы — он собирал в актовом зале ребят поспособней, и все готовили праздничный концерт. Набирали хор, человек двадцать. Разучивали песни. В основном революционные: «Прощание славянки», «Варшавянку», «Взвейтесь кострами», «Варяг», «Шёл отряд по берегу»... На два голоса пели. Антонин Карлович сам аккомпанировал на баяне и дирижировал:

— Кто там вторым голосом тянет? Сереза Табова, неправильно поёшь. Али, не ту ноту взял. Попробуй ещё.

И по новой. Десятки раз. Пока не добьётся идеального исполнения.

Так же, как меня, он учил всех сельских детей: аварцев, даргинцев, азербайджанцев, лезгин... Музыка стала для нас вторым языком межнационального общения. Ни один парад, ни одно торжественное мероприятие в Дербенте не обходилось без нашего знаменитого оркестра медных инструментов. И впереди колонны шёл мой одноклассник Мугутдин. Ему Антонин Карлович доверял нести большой барабан. Мугутдин отчаянно бил в него колотушкой, не всегда в такт, но вдохновенно и с большим чувством.

Хуже было с общеобразовательными уроками музыки. Мои сверстники на них усердия не проявляли, а я, вместо того чтобы погрузиться в любимую сферу с головой, терпел их проказы:

Начинается, к примеру, переключка в классе:

— Надир.

— Я!

— Руханият.

— Я!

— Али.

Надир вместо него выкрикивает: «Я!»

Антонин Карлович с упрёком качает головой:

— Нет, это не Али. Ведь так, сынок?

Положит руку мне на голову. Я подтверждаю:
– Да, это не Али, ребята шутят.

Ему я не смел солгать.

Как Антонину Карловичу хватало на нас терпения? Ума не приложу. Он никогда не взрывался...

Идёт урок. Сидим: шесть парт – так, шесть парт – так. Солнечный зайчик, отражённый карманным зеркальцем, пробегает по глобусу, беззвучно скользит по доске, останавливается на учителе. Ярко-белое пятно высвечивает засаленный карман пиджака, грубо заползает на лицо. Антонин Карлович, чувствуя тепло, ощупывает поочередно нос, губы... Раздаётся сдавленный смех.

– Ученик, который сидит на пятой парте слева... Магомед, назови имя.

– Руслан.

– ...Руслан, выходите, пожалуйста, из класса.

А Руслан смеётся уже в голос и не встаёт. Я в классе никого не боялся и всегда был за учителя горой:

– Руслан, тебе же сказали...

Тот нехотя вылезает из-за тесной парты.

Мне неудобно при ребятах... но как по-другому?... Антонин Карлович – человек мудрый. Добрый. Он многому научил. Клянусь, счастлив, что судьба свела нас!

– Магомед, сынок, ты постигай русский язык. Читай больше: рассказы, стихи. Старайся. Это великий язык! Вот, послушай:

*А весной я в ненастье не верю
И капелей не боюсь морозящих.
А весной линяют разные звери.
Не линяет только солнечный зайчик.*

Я старался читать.

Прочно засел этот человек в моей душе... Душа, чувство было взаимным. Он всё больше открывался. И в слабости своей тоже:

– Магомед, до дому поведи.

А я ещё тогда улиц не знал, однако не отказывал. Мне даже гордо...

Он брал меня за руку, мы шли пыльными улочками... Предупреждает:

– Там лестница будет... – спускаемся. – Теперь налево, в калитку.

Получалось: не я его по городу веду, а он, нез-

рячий, ведёт меня. (Зоркости ему было не занимать: «Слепой видит Бога духом».) По натуре Антонин Карлович темпераментный, неугомонный в работе. Теперь я сопровождал его повсюду: домой, на уроки музыки в третью школу, в детдом. Отныне, кто бы ни предлагал себя в провожатые, он мягко отказывался: «Спасибо, пойду с Магомедом!» Ребята за глаза дразнили учителя: «Магомедов дедушка». И надо мной... надо мной тоже ехидно насмеялись, подтрунивали:

– Мы сейчас в футбол идём играть, на море купаться, а ты со своим безглазым Кошмариком попрёшься?... Поводырь! По-во-дыбырь!!! Ы-ыбы!..

«Почему люди такие злые?!» – навязчивая мысль эта тугим обручем сжимала сердце. Я не обижался... впадал в какое-то зазеркальное состояние и лишь глядел на кривляющихся, скачущих вокруг мальчишек. Разглядывал их удивлённо, рассеянно... Точно никого не узнавал... Да, свою жизнь я полностью, без оглядки посвятил любимому учителю. «Мой кобзарь», – мысленно величал его. Он не отец мне, не дедушка, не дядя... Оказалось, важнее. Привязался я к нему. Каждый день, каждый шаг рядом: на подхвате, на страховке. Мир солнечный или лунный, туманный или звёздно-ночной – для него едино-чёрен. И уже никогда-никогда радуга не споёт для него ослепительными красками-нотами. Зима ли по-хозяйски вступает в свои права, оголяя деревья, застилая кавказское предгорье белым-пребелым снегом, весна ли, восточная красавица, будоражит светом землю, виноградники, горы, небо и море – всё для него переводилось в язык звуков, в свист ветра, в щебет или молчанье птиц, в «тепло-холодно». Антонину Карловичу главным органом чувств, его глазами, служили память и я.

Разучивает допоздна новую мелодию. Спохватится – ночь глухая... Поднимется к нам в палату, от порога прислушивается, по дыханию узнаёт меня. На ощупь подходит:

– Магомед, проводи.

Встаю. Знаю: никто другой не поведёт. Все спят. Сонный одеваюсь, глаза слипаются... Колочий снег на дворе. Кутаюсь в жиденькую мышастую одежду. Холодно! Иду с ним по ночному городу, за руку держит. Рука у него добрая, тёплая. Он жил далеко от интерната, за базаром... В

одну сторону мы иногда успевали на автобусе, обратно нет. Обратно — я один...

В ночь. Пешком, закоулками. Кругом будто чернилами залито...

Жутко.

Бывало, местные приставали. (Я ещё тогда заметил: плохие люди по ночам не спят!) Убежать успевал не всегда. Дрался с ними, если двое-трое. Если много — терпел. По пинку каждый отвесит и с улюлюканьем, шайтанским гоготом прогонят:

— Не суй нос в наш район!!!

В следующий раз иду — опять караулят.

— Ты не понял, ишак?.. Сын ишака!..

Пять лет, пока учился в интернате, я с ним так и ходил.

Восьмой класс близился к концу.

Куда дальше? Хотелось поступить в Дербентское музыкальное училище, но без профильной школы не берут. О своём желании я проговорился учителю. Он успокоил:

— Не горюй! Примут.

Взявшись за руку, мы вдвоём пришли к преподавателям (а это, оказывается, всё бывшие его ученики). Отрекомендовал меня:

— Зачислите. Мальчик подготовленный.

Там я для себя открыл: многие именитые виртуозы обязаны начальным шагам в мире гармонии звуков первому Устазу, этому скромному слепому музыканту.

Антонин Карлович сильно сдал в последнее время. Нemoшь, старческое увядание безжалостно подступали.

Когда я собрался из интерната уходить, он попросил:

— Магомед, отведи меня в дом престарелых. Не хочу один здесь...

В ту ночь я почти не спал.

Временами горло сдавливал себе... звука не проронить чтоб...

Да что же это?! В приют!

У нас на Кавказе родителей не бросают... (Я ни разу не слышал.)

Мой дедушка Гасан до сих пор ухаживает за своим отцом, которому девяносто семь лет. Тот, выходит, мне прадед. Прадед Хаким. У него бе-

лёсый посох, густые брови и косматая чёрная папаха. Дедушка Гасан сам приносит ему кумган* для омоновения. Бережно поддерживает отца, помогая ему, словно маленькому, шажок за шажком выйти во двор, подышать свежим воздухом и полюбоваться на солнышко, птиц в небе. Заботливо укроет тёплой буркой. И Хаким, созерцая бытие, незаметно задремлет... А дедушка Гасан ревниво следит, чтобы никто, даже случайно, не нарушил безмятежный полусон отца.

Мы все безропотно повинемся прадедушке Хакиму. Мои братья-сёстры, отец и мама, и даже бабушка Патимат.

Один раз я иду из школы, смотрю: дедушка Гасан сидит перед домом на лавочке и горько беззвучно плачет. Борода подрагивает. Я кинулся к нему. Сам трясусь весь от негодования. «Дедушка! Милый дедушка! Кто посмел тебя обидеть? Назови!» — я готов был сурово наказать обидчика. «Оте-е-ец Хаким... посохом би-иил...» Дедушку Гасана мне было ужасно жаль, но что я мог поделаться?.. В таком вопросе ему никто-никто помогать не станет. Прадедушка Хаким в тухме старейший и, значит, самый главный! Просто нужно слушаться старших.

А дом престарелых — кладбище живых... Если б только мог, забрал бы любимого учителя к себе. Но пока я был всего-навсего студент первого курса. Жена Антонина Карловича умерла. Детей двое, дочь и сын; после школы разъехались кто куда, и дела нет... (Он не любил вспоминать.) Дочка в Москве училась в каком-то институте: «геодезия-физика-астрономия». (Я такие слова впервые от него услышал.) Сын — капитан дальнего плавания: у того своя семья. И вот теперь мой любимый учитель... в приют сиротский, как совсем никому не нужный, брошенный человек... За день до начала занятий проводил его туда. Довёл до палаты. Нянечка выдала комплект серого постельного белья, я застелил казённую кровать. (Что ещё я мог сделать?..) На прощанье грустно обнялись. Чёрные очки его с дужкой на оранжевой проволочке съехали набок... Из пустой глазницы вытекла крупная слезинка.

Едва сдерживаясь, ушёл. Оставил одного.

У ворот оглянулся, увидел в окне беспомощную сутулую фигуру и... слезами задохнулся...

За время учёбы частенько навещал.

– Магомед, у меня всё хорошо. Главное – учись прилежно.

После окончания училища нет бы первым делом к нему, с новеньким-то дипломом... Помчался домой. А осенью, когда удосужился, с пакетом фруктов... его уж нет. Опоздал... В приёмном покое сухо известили: «Умер. Остался баян». Мне разрешили забрать. Кто хоронил учителя? где?.. – неизвестно. Мы тогда были молодыми, не придавали большого значения утратам. Если бы время вернуть назад и ещё раз дать нам шанс... Сегодняшним-то умом организовали бы, конечно, и почести, и похороны достойные. Нет, никто и никогда не даст нам переписать жизнь на чистовик...

Александр, я не сумел... Тебя прошу, не дай этому светлому человеку умереть. Прекратись. Напиши о нём как есть...

* * *

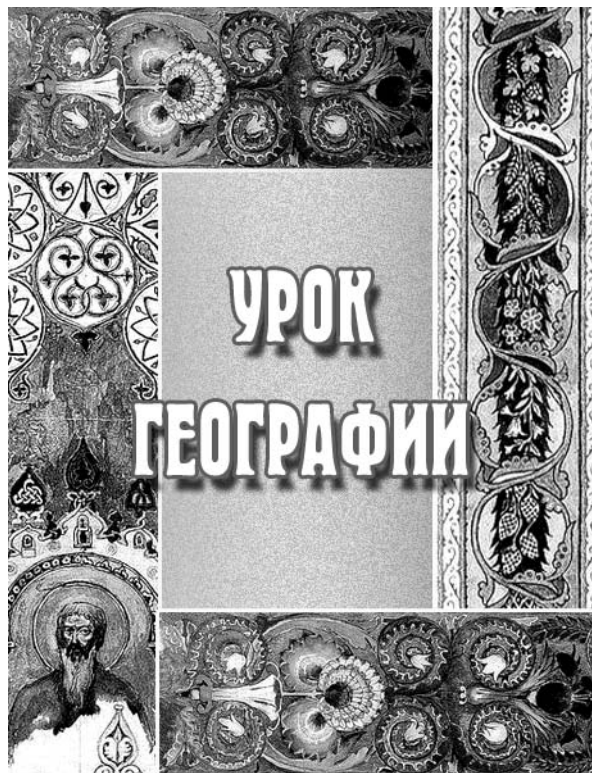
Благодарение и хвала Тому, кто не умирает.
Да будет так.

Город Дербент, 2010 год

Словарь

Хабар – рассказ, молва, слух.

Кумган (*тюркск.*) – узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а также подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра).

Хабар начальника угро

*Сотрудникам милиции,
погибшим при исполнении, посвящается*

*«Если не я за себя, то кто за меня?
Если я только за себя, то зачем я?»*

Гиллель Вавилонский

За время службы довелось мне участвовать в разных операциях, но освобождение из чеченского плена наших ребят стоит особо...

В девяносто шестом я работал начальником угрозыска Магарамкентского РОВД. Часть людей из нашего отдела была откомандирована на административную границу с Чечнёй и несла службу там, на закреплённом участке у села Гамиях. Материалы служебного расследования показали: «15 января 1996 года в 17.06 к блокпосту подъехала автомашина марки УАЗ-3741. Из фургона выскочили трое неизвестных. Угрожая оружием, захватили четырёх сотрудников милиции, увезли в сторону Чечни».

Я отказывался верить случившемуся...

Чеченцы и дагестанцы — родные братья. Братья навеки! Со времён легендарного Шамиля. Теперь, когда в Кремле всё смешалось и предлагали брать суверенитета сколько утащишь, нам Грозный стал ещё ближе. Напрямую в бандитские разборки Масхадова с Россией мы не влезали, но «разборки» превратились в войну. И если фронт был в Чечне, тыл — в Дагестане, в каждой аварской, даргинской, лезгинской семье.

Есть у меня скользкий знакомец — Дауд, чеченец дагестанский. Когда его задержали, я в показаниях помог немного... И он не то чтобы отработывал... Бывший спортсмен, неоднократный чемпион Союза по боксу, авторитетный человек и здесь, и там... В Чечне его сильно уважали. Он снабжал их оружием всю войну.

Сижу как-то у него в гостях в Хасавюрте, и тут он ни с того ни с сего предлагает:

— Давай прокатимся в Ичкериию.

А там всю войну...

— Ты чё? Большой?

— Да мы взад-вперёд, на экскурсию.

Уболтал. Границу пересекли засветло. Российский дивизион установок «Град» располагался на опушке голого леса. Дауд вызывает командира. Краснощёкий такой, жирный, пыхтя вырывает к нам.

Дауд ему с ходу:

— Командир, вот десять тысяч баксов, — пачку протягивает, — а вот координаты: сделай залп, восемьдесят ракет.

Тот берёт деньги, не спрашивая, что за координаты:

— Ты меня-яя знаешь!..

— Пуск — через два часа.

— Разницы нет, — у самого рожа лоснится добычей.

Воистину: «Для кого — война, для кого — мать родна».

Мы сидим в Хасавюрте в кафе, ровно через два часа — залпы ракет «земля-земля». Дауд ухмыльнулся:

— По своим отработывает... Сгоняем ещё разок к этой свинье?

— Ле, ты что, б!.. нас после этого... самих... взорвут!..

— Не взорвут, поехали.

А у ракетчиков командир уже бухой... Дауд наезжает на него:

— Мы с тобой как договаривались? Восемьдесят пусков!

— Сделал... брат.

— Не сделал. Семьдесят. Я сам считал! — врал внаглую.

Командир засуетился, на красной лысине выступил пот, и набухшая капля сползла под тяжестью...

— Восемьдесят, брат. Все запустил!

— Нет, семьдесят. Верни две штуки.

— У меня их уже ёк*...

— Как хочешь возвращай.

— Давай... скажи, что-нибудь другое сделаю. Отработаю!

— Ладно... Десять оставшихся запустишь по этим координатам.

Через два часа залпы накрывают вторую российскую часть.

Весёленький междусобойчик! Вот так воевала Красная армия.

Своим работникам я, по согласованию с начальником РОВД, категорически запретил применять оружие. По исламу: если чеченец убьёт меня, в рай не попадёт, зачем же я стану стрелять в него?

Братья-мусульмане платили взаимностью...

Служебная проверка подтверждает: ничто в тот день не указывало на обострение ситуации: «...с 08.00 до 17.00 через блокпост, в сторону села Гамиях, проследовало пять автомашин, две — в сторону Чечни. В 12.17 на пост пришёл житель села Центорой: обратился за помощью в выделении транспорта. Водитель служебного «уазика» сержант Омаров выехал с ним на территорию Чечни, оказал необходимую помощь».

Какая муха укусила чеченских орлов?!

Взять в плен наших солдат-милиционеров!.. Мы все ездили на ту сторону не раз, их тоже сюда свободно пропускали... Не то чтобы пресекать переход границы, наоборот, помогали местным жителям, простым людям. И — на тебе...

Одурев от бессонницы, мы сутками искали пропавших ребят. Мотались с начальником РОВД в Хасавюрт — все сведения из Чечни стекались туда. Оперативники докладывали: «У этого полевого командира нет, у того нет». Ну никаких следов! И ещё Дауд, мой крестник, пришёл с очередными хабарами: «Там мне — так сказали, а

там — вот так, но мы их из-под земли достанем...»

— Дауд, «из-под земли» не хочу. Может, я с тобой в Чечню смотаюсь?

— Опасно.

— Хоть опасно, поеду.

Мой начальник Мамедов вспыхнул:

— Не, ты что? куда?

— Поеду. Сколько будем сидеть, сказки слушать: «Тут не знают, там не знают». Клянутся, божатся: «Найдём, не беспокойтесь, узнаем след, взорвём, отберём!»

— Тебе что, больше всех надо?

— ...Наши — в плену-уу!!!

— Смотри, я за тебя не отвечаю.

— Не нужно за меня никому отвечать. Решение — моё!

Дауд с утра до вечера — со мной. Очень добросовестный оказался чеченец. Редкий чеченец! В благодарность за то, что помог ему однажды... Кормил, поил, возил. На его машине всю Чечню объездили. Буквально. Летали на бешеной скорости по снежным горам-долинам. Утром выезжаем — вечером назад. Я в гражданке.

Он предупредил:

— Возвращаться нужно засветло! Не успеем выскочить до темноты, никто нас спрашивать не будет, уничтожат.

Дорога жёстко задиралась вверх серпантином. Вечернее рыжее солнце металось у виска слева направо. Разбрасывая из-под колёс мёрзлые камни с грязью, мы мчались, как водопад по ущелью, как ветер, краем узкого каменистого пояса. Слева от нас синела пропасть, справа скалы вставали над скалами. Едва проскочили узкое место, за спиной глухо загудел камнепад — снежная лавина лениво съехала, поглотив дорогу.

Обычно Дауд с бандитами на чеченском разговаривал, мне переводил. Дней десять уже колесили, надоело:

— Ле, Дауд, так не бывает: ты с ними говоришь на своём, тебе отвечают, я — не в курсе... Мне их байки осточертели. Каждый раз одно и то же: «то сделаем», «это сделаем». На русском говорите, чтоб я понимал.

В следующий раз Саламбек — масхадовский боевик, пацан, лет двадцать пять, не старше, перетянутый крест-накрест оружием, — ну с таким важным видом толковал с нами... с такии-ии-им го-но-роом... Взбесило меня.

Полопотали на своём, и Дауд опять мне:

— Поехали...

— Нет, так не пойдёт. Мы же договорились — на русском. Саламбек, вы сколько заданий давали — мы выполняли. Кроме того, ладно я, Дауд вам помогает... Всю войну. Ты чё, мы сколько к тебе ездим, ты пацан молодой, издеваешься над нами: «завтра», «послезавтра»...

— Я их не видел.

— Ты описываешь наших ребят, а сам: «Не знаю, не видел!»

— Просто так сказал.

— Просто так не сказал ты... Одежду одного описал, какой внешне — говоришь. Откуда можешь знать? Это наш работник, сержант. Он больной. У него с сердцем серьёзные проблемы. Саламбек, я подполковник милиции. Помогите хотя бы больного вызволить... Я пойду вместо него. Потом договаривайтесь о чём угодно. Подполковник ведь выше сержанта?!

— Я не знаю, не решаю, я посмотрю...

Ну что с этим абреком будешь делать?..

Мы — к Турпавали, начальнику контрразведки Масхадова. Он дружески похлопал меня по плечу и сладко запел:

— Полковник, знаю, ты воинам Аллаха помогаешь. Мы в долгу не останемся. Слово горца! Назови полевого командира, с землёй смешаю чеченское село, но их выручу.

Я обрадовался. Разве тут не обрадуешься...

По всей Ичкерии до одури круга делаем, наконец узнаём: «Солдаты в отряде у Эби — Большого Асламбека». Сломя голову мчимся к Турпавали.

— У Эби!

— Точно?

— Точно не могу сказать, мне сообщили: у него.

— Решу.

К Турпавали две недели мотаемся — результата нет. И его «решу» на поверку — словоблудие одно. Тьфу!

Министр внутренних дел ЧРИ* Казбек... Махашев, что ли... Здоровый такой, весёлый... Радужно принял, как все они:

— Братья-земляки-ии, вассалам аллейкум! Обнимаю вас. Главное — не волнуйтесь. Вы, подполковник, приезжайте завтра в форме, обратитесь к населению по телевидению.

Приезжаю в форме.

Министр свёл с замом, тот — с начальником управления уголовного розыска Хамзатом. Тоже здоровенный такой...

Мы с Даудом — к нему. Опять расспросы:

— Что? Где? Кто?

— Четырёх ребят взяли на границе...

И вдруг этот Хамзат взбрыкивает, агрессивен так:

— Ты чего в форме приехал?

— Министр ваш сказал.

— Вах!.. Ты выйдешь отсюда... самого заберут. Чего нам формой российской перед глазами!.. — выскочил из кабинета.

Я — Дауду:

— Объясни ему, ещё раз начнёт, такое отвечу... мало не покажется. Я в гости к нему приехал, в его кабинете нахожусь, а он страшит...

Вернулся Хамзат:

— Обращение по телевизору не получится. У Эби их нет. Сегодня-завтра соберу информацию. Узнаю, где.

Дауд имел прямой выход и на Аслана Масхадова. Мы — в Гудермес.

Он заскочил в штаб, я остался на улице ждать. Смотрю: пленные российские солдатики в дражных рубашечках на колючем ветру... Зимой! Копают траншею, отопление тянут. Над ними — автоматчик. Прямо как в фильмах про эсэсовцев. А в трёхстах метрах — российская армия... Тут же у штаба русские женщины воют. Пробиваются на приём к президенту Масхадову за пленных сыновей просить...

Выходит из штаба Дауд, я ему:

— Не перегибаете ли вы палку с русскими?..

— Ясыри?* Это собаки — не люди. Гяуры.* В соседнем селе в хлеву у моего брата на цепи молодые русские девки прикованы. Их дерёт любой. Ахх-ха-ха... Хочешь — заедем... Угощаю!

— Давай к делу.

— Аслан хочет познакомиться с тобой лично. За помощь обещал наградить высшим воинским орденом Чеченской Республики Ичкерия — «Честь нации».

— Пусть поможет ребят найти. Это и будет награда.

— Ну, как знаешь... А что касается твоих подчинённых, пообещал решительно: «Где бы ни

были — найдём, освободим. Своих — сурово накажем, сгноим!»

Однако сколько мы ни ездили, никто не помог. Вышли на Хаттаба.

Эмир ибн Аль Хаттаб — фигура колоритная. Он же Ахмед Однорукий, он же Чёрный Араб. Смуглый такой, длинные вьющиеся волосы, чёрная перчатка на правой руке. В селении Ведено у Хаттаба роскошный дом, параболическая антенна (в то время у нас ничего подобного не было). На этот раз со мной был зам главного ваххабита Дагестана с бородой: борода в Чечне служила пропуском. (С бородой ездить куда хочешь!) «Борода» с Хаттабом между собой хабарят на арабском. Долго, изнурительно. Изредка ваххабит переводит. Смысл прежний: «Сделаю, найду, спасу, поеду к Радуеву, Масхадову. Пока не знаю, где они, но буду искать... Отобью! А вы — помогите мне».

Якши!*

За ношение оружия мы задержали араба. Хаттаб попросил освободить его и отправить домой в Иорданию, назвал своего человека на границе:

— Ему передайте, остальное — не ваши проблемы.

Я вывожу наёмника из камеры... Вот такой араб — тридцать килограммов весом:

— Собирайся, едем!

— Куда?

— К маме.

— Нэ поеду...

— Почему нэ поедешь?

— Возвать хачу... К Хаттабу назад хачу.

— Хаттаб тебя не желает... Уезжай!

— Умирать хачу.

— Умирать?

— Да.

— Видишь люстру. Верёвку принесу, вешайся здесь. Мы тебя похороним на мусульманском кладбище. Здесь роскошное кладбище... С почестями похороним, по благу...

— Вах! Зачем такое гаваришь?.. Нэльзя.

— Почему нэльзя?

— В ад пападу.

— Ну, раз не хочешь в ад, вали отсюда...

Тридцатикилограммовый меня уверял: «Нигде так салдат нэ резал, как здесь, у Хаттаба. Сто, сто... Голова атрезал, как баранам.

Падвал все забиты плэнных!» Я брезгливо поглядывал на больного фанатика: война, точно чёрная дыра, притягивает тёмные силы; наёмники издалека чувят смерть, как вороны падаль, и с карканьем слетаются на запах.

Мы доставили араба на азербайджанскую границу. (Там ребята-лезгины за бакшиш и теперь перевозят людей.) Для интереса у старшего осведомляюсь:

— А как ты их?..

— Сплаваю по реке за сто долларов... Недавно Радужева сопровождал.

Два месяца я не прекращал поиски... Звонок от Хаттаба был неожиданным:

— Нашёл! Завтра будут передавать.

Начальник РОВД выслушал мой доклад:

— Сам поеду! Хочу с Хаттабом сфоткаться.

Боевую медальку, видно, захотелось...

Хаттаб отдал наших бойцов. В благодарность начальник подарил ему кинжал с золотой насечкой. Грязных, вшивых, измождённых ребят отвезли по домам. Расспрашивать их сейчас не имело смысла. Они отрешённо смотрели в никуда... Словно не радовались.

Неприятно сознавать, но, похоже, вместо братских отношений Дагестану отвели роль очередной юной невесты, которую матёрый жених строго выдерживает в углу за занавеской, пока сам гульбанит с гостями на свадьбе... Хотя какая там, к шайтану, свадьба без магари?!* Это — зина!*

Лишь спустя несколько дней, под нажимом, крайне неохотно бойцы рассказали нам... в скупых красках... Про ад в чеченском рабстве... Про кавказское гостеприимство братского народа!.. И меж собой дали мы клятву: в плен больше не сдаваться.

* * *

В августе девяносто шестого генерал Лебедь подписал Хасавюртовские соглашения. (Почему-то меня это даже не обрадовало.) Мышки прогнали кошку и распоясались окончательно...

А вскоре у нас произошло настоящее ЧП.

Бой на том же блокпосту в районе села Гамиях: «Есть убитые. Одного забрали в плен». От Мага-

рамкента туда — не близко... Приезжаем ночью с полковником Мамедовым на место. Фонарём свечу: такая каша!.. Мешки с песком в пробойнах, гарь, убитые... Лейтенант Ярахмедов, совсем недавно в нашем отделе, — попал в плен. Мужественный парень такой... Стажёр мой.

Выяснилась ещё неприятная новость: один опер, подонок, как заваруха возникла, сбежал.

— Ссс-сука!!! Нет тебе места в органах. Свободен!

— Не испугался я... Я — за помощью... — сам в глаза не смотрит.

— Сволочь! Ты ребят оставил. С оружием драпать! И не вернулся...

Часа четыре прошло с момента перестрелки. Наш работник, участковый, мальчишка совсем, при нападении отстреливался из пулемёта. Трясу его за грудки: «Что? Ка-аа-ак?» Пугается в показаниях, у самого руки дрожат. Ходуном ходят. Я горячий ствол — в ноздрю... По его информации: подъехали чечены на «КамАЗе», хозяйничать начали. Лейтенант Ярахмедов сделал замечание. Его скрутили, бросили в кузов. Он успел скомандовать: «Огонь!» Завязалась перестрелка. Двух «чехов» подстрелили, двух ранили... Те машину от блокпоста отогнали, стали запугивать: «Сдавайтесь, не то всех положим». Участковый в ответ из «красавчика» выпустил магазин, второй вставил, на седьмом патроне заклинило... Растерялся: повторно передёрнул, патрон — наперекос... Спасло то, что духи дрогнули, отступили.

— Извини, брат, — я твёрдо положил руку ему на плечо.

Он горько заплакал...

— Ньюни развесил... слюнтяй! — вставил свои «три копейки» начальник милиции.

Я вытащил его за грудки на улицу:

— Ле, Мамед, не болтай! Парню впервые пришлось... по живым людям стрелять... В такой ситуации... неизвестно, кто как поступит. Не трогай его. Он — герой! Из четверых один остался, отстреливался. Другой бы на его месте, может, руки поднял.

Это был первый бой между дагестанцами и чеченцами на границе. До сих пор никто никогда по землякам не стрелял.

Чечены буквально заставили нас вытащить кинжал из ножен...

А лейтенанта нужно было срочно выручать.

Я протогпанной тропинкой — к Дауду, с ним — к Саламбеку... (У самого нервы ни к чёрту.) В очередной раз сорвался:

— Саламбек, ты надоел, ты... пацан! Ладно, меня не уважаешь... Ты к своему чеченцу точно так же относишься. Ты... чего издеваешься?! Вы говорите: «братья, братья-дагестанцы», сами нападаете. В один день такой кулак получите в лоб, мало не покажется... Во все стороны.

— Что могу делать?

— Как что?! Две недели к тебе ездю... И — без толку!

Как-то Хаттаб попросил переправить боевика за кордон. Им оказался Саламбек.

— О! Перетянутый!.. Так это тебя будем в канализацию спускать?

Сидит надувшись, паук пауком, весь оружием крест-накрест увешан. Молчит.

— Куда собрался с пулемётом? Ты чё? Ненормальный, что ли? Ещё бы на танке приехал! Мало того, себя подставляешь, ты нас подставляешь. Если тебя здесь заберут, Хаттаб решит: мы сдали. И нашего парня кончит.

— Что, я без оружия поеду?

— Разумеется, без оружия. Нам грубиянов не надо... мы сами грубияны!

Привожу его к себе в Магарамкент, в отдел милиции:

— Саламбек, если по вашей логике поступать, я тебя сейчас должен взять за шкуру, кинуть в «обезьянник»*. Ты боевик... Ты как со мной разговаривал там?.. Там!!! А?!

Куда только гонор делся! Побледнел весь... Решил: действительно его хочу закрыть.

— Да не ссы... Не нужен ты мне. Мне надо лейтенанта вытаскивать. Из-за него тебя, гниду, терплю...

Ночью Саламбека переправили за кордон.

Приезжаем к Хаттабу. Охрана меня знала. Лениво махнули:

— Нет его. Ждите на дороге.

Белое солнце, похоже, застыло в зените... Редкие отары кучевых облаков белыми миражами проплывали в небе. Наяву нынче встретить отару — большая редкость. Война.

Час сидим в раскалённой машине, два. Видим: вдали пыль. Летит.

У Хаттаба на правой руке пальцы обрезаны, так он трёхмостовый «КамАЗ» одной левой водил. Мечтал всё: «Мне бы русскую технику, американское обмундирование, я с любой армией воевать смогу». С ним обычно от силы один охранник. Хаттаб никого не боялся... Его все боялись. Увидел нас, остановился, выходит, опять начинает «мутъ» разводиться...

В сердцах зло бросаю Дауду:

— Может помочь — пусть поможет. Впустую ездить больше не буду. Плевал я...

И тут Хаттаб на!.. русском:

— Слушай... Магарамкентский РэВэдэ нам не помогает.

Сколько до этого общался, не знал, что он по-русски понимает:

— Хаттаб, мы тебе постоянно помогаем. Просил араба освободить — освободили, машину перегнать — перегнали, Саламбека за кордон переправили. Что ещё должны? Открыто воевать на твоей стороне? Хоть лопни, не сможем... Всё для тебя делали. А ты обещал мне парня — не нашёл: завтра да завтра.

— Слушай, не горячись... На Востоке так нельзя! Так в гостях не разговаривают... — глянул на часы. — О! Время намаз творить.

Подъехали к дому. Бородач-нукер* меня подталкивает:

— Пошли!

— Я не умею.

— Нужно.

— Ле, я ж тебе русским языком говорю: не умею. Когда наклоняться, что говорить...

— Нет, надо делать. Хаттаб обидится.

— Пусть хоть трижды обижается!

— Твой начальник был, делал намаз.

— Пускай.

Хаттаб опять подключается:

— Слушай, так нельзя... Мы мусульмане, должны соблюдать Коран. Молиться не будешь, я вам не помогу.

— Хаттаб, наш лейтенант и Коран читает, и всё соблюдает. А я... слово даю: вытаски его, начну намаз совершать для себя. Клянусь.

Ничего не ответил, ушёл в дом.

Охрана зашипела:

— Что хозяин велит — делай.

— Ле...

После молитвы Хаттаб подвёл меня к машине.

– Смотри мой «КамАЗ», ни одной царапины...
 – Хаттаб, у тебя сотни «КамАЗов». Может, к блокпосту на другом приезжали?
 – Не мои люди были... Назови командира – силой отберу.

Сила у Хаттаба действительно была. И ещё была какая-то непонятная влиятельная рука. Хаттаб сам удивлялся:

– Раз попали в окружение. Ну, такое плотное. Блокировали нас русские и сидят, не наступают, не обстреливают... С темнотой отправляю людей в разведку. Возвращаются: «Хаттаб, беда! Птичка не вылетит! Пропали мы, пропали гуртом...» Уже поклоны били Аллаху: «Вай, конец пришёл». Ночь молились. На рассвете разведка докладывает: «Нет никого». – «Как нет?» – «Так, нет». Скрытно прочёсываем лес: ни одного уруса, никакой техники. Разблокировали нас и оставили. Мы аккуратно уходим в горы, опять вооружаемся, опять нападаем. Так было раза три-четыре. До сих пор не знаю, кто русским команды даёт? По вашему телевизору врут, что я наёмник. Я не наёмник. Наоборот, я свои деньги вкладываю сюда... Газават – священная война с неверными. Если погибну – попаду прямо в рай!

Вот такой больной был на голову.

– Война кончилась, Хаттаб. Найди парня... клянусь: выведу тебя отсюда. Никто не тронет.

Думал, хорошее предлагаю, а он:

– Слушай, не надо меня вывозить.

– Ле, война кончилась, тебе что здесь делать? А?!

– Здесь останусь. Будет грозненский аэропорт работать, сам улечу в любое время.

– Всё одно, помоги! Мы тебе помогли!

– Помогу, клянусь, – он приложил правую руку к груди. – А где твой Мемед-начальник? Чё трубу не берёт?

– На работе.

– Почему сюда не сам едет, мы договаривались.

– Тебе какая разница? Обязательно полковник нужен?

– Мемеду, значит, неинтересно.

– Ладно, скажу, приедет.

Я к начальнику:

– Поехали, парень там! Месяц томится... Хаттаб тебя звал.

– Нет!

– Поехали, ты ведь фоткался с ним, чё боишься?

– Сказал, не поеду.

Каждый раз при встрече Хаттаб настойчиво вспоминал про начальника милиции. В очередной раз я вернулся из Чечни и Мамедову – вопрос ребром:

– Собирайся!

– Нет! Он хочет меня в заложники взять...

Имя Чёрного Араба для всех ваххабитов было свято. По первой его просьбе они готовы были сами отдаться, не то что приказ не выполнить. А тут не могут одного лейтенанта разыскать...

Поговаривали, якобы Хаттаб забирал людей в плен, месяц-два выдерживал, время тянул. Сам выходил на родственников, торговался: «Я знаю, где он. Готов помочь, конечно, не бесплатно». Ему несли щедрую мзду, помогали. Доил людей без конца. И своих, и чужих. Во всяком случае, главе администрации села Первомайское он так и заявил: «С боем освободил твоего наследника». А сын всё это время сидел в его зиндане*.

Если действительно так – не традиционный это ислам. Ближе к исламу не идёт. Мой дедушка, правоверный мусульманин, учил: «Если тебя даже бьют, не отвечай злом на зло!»

Однажды по телевизору показали российских ребят-контрактников. Они боевиков убивали, уши отрезали и для коллекции – в банку со спиртом. (Ельцин ещё хвастливо заявил: «Наши ребята себя в обиду не дадут!») Хаттаб на следующий день после злополучного репортажа отправил людей к российскому командиру: «Продай мне этих телезвезд. За ценой дело не станет. Сколько хочешь?..» Командир назвал цену. Договорились: он отправит их завтра, как бы в поиск, по согласованному маршруту. Надо было видеть, с каким слащавым удовольствием и горящими глазами Хаттаб рассказывал:

– На следующий день ждём, эти двое идут... Мы их не убили... уби-ваа-аа-ли. Аллах-акбар!

И подарил мне видеокассету на память.

Правда! Аллах велик!

Только Аллах у нас с Хаттабом разный! Вера –

если умирают с именем Бога на устах, а если, прикрываясь именем Его, режут — это обычный бандитизм! Но, как бы собака ни была погана, ей океан не испоганить.

Горит внутри!..

Не могу молчать...

Здоровых молодых ребят, спецназовцев, командир продал. Я в отделе кассету показывал, наши не могли смотреть.

Приказал:

— Нет, смотрите! Чтоб знали, что творят выродки...

Жгло в груди. И не было слёз...

Я выехал на берег грозного Каспия.

Море закипало, тучи слетались откуда невидимо, ходили мрачной круговертью, словно боевой хоровод во время зикры*. Холодный ливень наотмашь хлестал землю и море. Каспий... почернел от горя!

А «молодой» из головы моей... сердца не выходил: «Хорош наставник... нечего сказать... Парня не уберёг!» Мысль эта нестерпимо терзала, мучила с каждым днём сильней и сильней: «Он-то и есть мне настоящий брат, истинный кунак. И вот сейчас мой кунак... в руках головорезов». Временами сознание норвило спрятаться от повседневности... Я вспоминал задушевные откровения лейтенанта: он всё мечтал сад возродить заброшенный... отцовский... У него крошечная дочурка, жена скоро второго должна родить. Был у них. Как мог, морально-материально поддержал...

Они-то молодцы... Ллле-е! А что делать мне?.. Мне-то... что?!!

Не отдавая себе отчёта, с какой целью, поехал вечером в родное село. Ноги сами вели... Гладкие каменистые ступени указывали путь. Тесная улочка побежала вверх, изогнулась, пропала во мраке и снова, по ту сторону мечети, вынырнула на жёлтую луну.

Вот и низкая тёмная сакля алима*...

Абусаид-Хаджи...

* * *

...Ночные звёзды гасли, зарождался новый день.

С минарета муэдзин* пропел азан* к молитве. Начальник угро вышел в сад, совершил омовение, поднялся на глинобитную крышу родительской сакли, расстелил старый дедовский коврик и впервые опустил на колени. Закрыв глаза. Земное отступило. Он остался наедине с Аллахом. Никогда прежде не доводилось ему читать Коран. Не хватало свободного времени, знаний... а скорее — внутренней потребности. Не знал ни одной суры и сейчас лишь исступлённо, как клятву, повторял:

— Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

В мозгу его, слово за словом, пульсировало услышанное ночью от алима: «Человеку без веры холодно... Зажи в душе огонь и согрей им своего кунака». Снова и снова всплывали в сознании герои старинной легенды, поведанной мудрым аксакалом.

Был у хунзахского хана заведён для пленников коварный метод расправы. Он приказывал раздеть непокорного, нагим отправлял на скалистую вершину и там оставлял на всю долгую ночь. Холод, вьюга, ветер злочий налетали на одинокого беззащитного человека, обрекая на мучительную верную смерть. «А тот преступник, — ядовито усмехался хан, — который увидит восход солнца, получит в награду свободу».

И жили в те далёкие времена два мужественных юноши. Одна судьба была у них, и они, как левое и правое крыло орла, неразлучно парили над жизнью. Не было во всей округе горцев более преданных священной дружбе. И когда один из кунаков стал жертвою хана, когда стражники сорвали с него одежду и повели крутой узкой тропой к месту казни, другой крикнул ему вслед: «Держись, друг! Обязательно держись! Я на соседней вершине разожгу костёр, он согреет тебя!»

Юноша замерзал на ледяной скале, прощаясь с родным аулом, нечем было ему укрыться от злой стужи, и вдруг сквозь чёрную тьму увидел он далёкий огонь. Жар от него дотянулся до иззябшего тела, до его замерзающей души и согрел. Всю ночь до самого рассвета, ни на миг не погаснув, горел костёр дружбы.

Утром изумлённый... смирившийся хан освободил стойкого горца...

Абусаид-Хаджи учил:

— Пусть вспыхнет в сердце твоём нур-джан — свет души, пусть освещает тебе путь нур-эд-дин — свет веры. Зажги пламя в душе и согрей им своего кунака.

* * *

Мы ещё целый месяц искали парня. Без сна, без роздыха. С его братом ездили. Пусто. А потом один чеченец мне шепнул:

— Его сразу, на второй день, взорвали... Хаттаб приказал.

— Как взорвали?..

— Под утро скончался раненый племянник полевого командира. Вашего привязали к дереву, сорвали чеку и — гранату в карман...

Уфф-фуууу...

Я спешил согреть... не успел.

Вот так...

Но мы... мы слово своё скажем...

Сердце дагестанца закалили, как амузгинский клинок.

К девяносто девятому году благодаря «воспитанию» Хаттаба и я, и работники нашего отдела милиции стали... сильно другими. Мы уже не считали отморожков, которые с оружием в руках вламывались в наши дома, братья-ми. И оказалось, национальность здесь ни при чём. Когда в западной и центральной части Дагестана радикалы подняли ваххабистский мятеж — народ их не поддержал. А чеченских сепаратистов, вторгшихся на землю узденей, разгромили. Мятежники ослушались легендарного Шамиля, который завещал потомкам: «Быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему Отечеству».

Воля народов сильнее оружия.

Земле нужен мир.

В тех жарких боях вместе с жителями Дагестана бок о бок сражались и мирные чеченцы, и русские... и Аллах! Потому победили. Тогда я усвоил для себя, что Дагестан и Чечня — тоже Россия. И этот урок географии я не забуду никогда.

Аллах-у акбар!

Словарь

Хабар — рассказ, молва, слух.

Ёк — нет.

Якши — (*нареч. татарск. вост.*) ладно, хорошо.

Ясыри — пленные.

Гяур (*араб. аль-кяфирун*) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама.

Уздень (*татарск.*) — свободный, зависящий только от себя, собой живущий.

Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда.

«Обезьянник» — спецприёмник или изолятор временного содержания.

Аллах-акбар! — Аллах велик.

Алим — (*араб.*) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый.

Нукер — военный слуга.

Азán (*араб.*) — в исламе призыв к молитве.

Муэдзин — читающий азан.

ЧРИ — Чеченская Республика Ичкерия.

Зиндан (*персидск.* — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в Средней Азии.

Магар (*арабск.*) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы.

Зина (*арабск.*) — изнасилование, прелюбодеяние.

Хабар режиссёра народного театра

*...Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашей игрой!*

Пьер де Ронсар

Клику «народных» театр был причислен за-долго до рождения.

Вышло как... Начальнику нашей районной культуры-мультикультуры в Махачкале удалось договориться: красавчику его за песни зазорные и танцы яростные присвоить звание «Народный ансамбль». Но бланков на все коллективы не хватило. Вручили что осталось — «Народный театр». Танцоры со временем разбежались, и почётное звание перешло спустя три года нам — по наследству.

Как-то вечером, незадолго до премьеры спектакля «Божественная комедия», возмемся с реквизитом, подгоняем костюмы, и тут Айшат (она Еву играла) спрашивает:

— Ниям Алиевич, как мы свой театр назовём? Неужели останется «безымянным»?

Актёры, в предвкушении таинства, притихли.

— Хм-м... Имя — это слишком серьёзно, чтоб сочинять на ходу. Имя театра — горное эхо, отклик сердца на пылкое чувство. Название должно вызреть. А ты... как бы назвала?

— Я бы... «Белая птица», — Айшат мечтательно подошла к окну.

Все молчали.

* * *

Настоящий спектакль я видел ещё будучи школьником в Махачкале. Аварский театр поставил пьесу «Ленин в октябре». Отец достал билеты. Пришли заранее, долго не могли найти свои места... в «партере»?! Наконец угнездились, сидим, глазеем по сторонам. Публика в нарядной одежде плывёт, до потолка заполняет высокий зал. Почему-то редко кто в папахе. Люстра над головой огромная, сверкающая. Раздался звонок, второй... Приглушили свет. Так загадочно... Я крепче вжался в бархатное кресло.

Широко раздвигается багровый, золотом шитый занавес.

Прямо передо мной на сцене — Ленин... Живой! Из-за кулис выбегает ликующий Бонч-Бруевич:

— Ворчъами*, Владимир Ильич! — здороваётся по-аварски.

Ленин в ответ:

— Ворчъами!

Как принялись все смеяться: «Ворчъами, Владимир Ильич!.. Уааа-ха! Ленин, оказывается, аварец!» Минут десять зал не мог угомониться. Пришлось закрывать занавес. Кое-как успокоились. Открывают занавес повторно: сидит мрачный вождь, заходит Бонч-Бруевич, уже не здороваётся, виновато разводит руками:

— Революция.

Ленин хватается за голову:

— У-вах!

Зрители согнулись пополам. За животы дергаются, ржут в голос. Артисты пытаются перекричать, взывают к светлому, но их не слышит никто...

Отец не стал дожидаться развязки. Почти на весу он тащил меня за руку к автобусной станции:

– Э, бараны! Не дали насладиться взором.

А в армии моё знакомство с театром продолжилось...

Волею судьбы к нам в отделение попал служить русский товарищ после театрального училища. Приметил меня. Я несколько раз прикидывался пьяным, старшина, разумеется, ловил, начинал костерить.

– Да трезвый я! – выдыхаю во все лёгкие.

Урус подивился:

– Для чего комедь ломаешь, Ниям?

– Когда на самом деле выпью, старшина внимания не обратит.

С этого наше знакомство и завязалось. Он был настолько увлечён Мельпоменой, что и мне голову вскружил. Труды Станиславского подсовывал, рассказывал много. Этюды по-нуждал делать:

– Садись на стул, изобрази: «холодно».

Я сел, потирал руки, как над костром...

– Нет. Руки, если замёрз, будут двигаться по-другому, – и показывал.

Баловались просто. Разные сценки демонстрировал, изображал то одно, то другое. Нашёл в молодёжно-эстрадном журнале сценическую композицию:

– Всего-навсего про берёзку, а сколько сказано. Вот послушай!

И – ну читать. Я жадно внимал.

Неужто про берёзу можно столько всего знать? Там и Ленин в эмиграции: сидя в далёком Лондоне, рисует на полях рукописи берёзку – трепетный символ русской красоты. Затем война. Великая Отечественная. Радистка. Во время жаркого боя открытым текстом по всему фронту летит тревожный девичий голос: «Я – Берёзка! Я – Берёзка! Я – Берёзка! Отвечайте. Дайте огонь на меня! Не успею сжечь документы, огонь на...»

Прерывается. У самого глаза блестят...

Так меня растрогало... Читал он необыкновенно, с интонацией. А я буквально видел все картины. Что меня особенно поразило? О чём говорил, всё – перед глазами: Ленин, стопка

рукописей, как берёзку рисовал на полях – скучал. Я будто бы рядом. И войну видел. Занозил он меня театром и сагитировал ехать после службы во Владивосток учиться на театрального художника. Я до последнего отнекивался: «Не получится, всё-таки дагестанец! Там ни родителей, ни родственников».

Против романтики не устоял...

Отмобилизовались, повёз он меня к себе. Сводил в приёмную комиссию училища. Я задал: получу двойку на вступительном – судьба уехать. (Поступал-то чисто из уважения к нему.) Что ты думаешь – одни пятёрки. Приняли. Ну, коли так, надо учиться. Пошёл одновременно в театральный кружок при заводе «Радиоприбор». Тоже он насоветовал. Коллектив восемьдесят человек. Казалось бы, самодеятельность, кружок, но какие люди преданные искусству. Режиссёр Зоя Петровна. Таких людей редко встретишь... Знающих своё дело, влюблённых. Сперва на меня внимания не обратили: «Ну, пожалуйста, приходите, массовки много. Будете маршировать за сценой». Потом доверили эпизодическую роль. Одну, другую... Я с таким удовольствием, таким рвением брался за них. Меня начали подтягивать. Год проходит, предлагают главную роль. Пьеса испанского драматурга Лопе де Вега «Изобретательная влюблённая». Роль капитана Бернардо. Шляпа, шпага, сеньоры. Действие происходит в Мадриде!

– Любофь мая, прашу пашады!

До сих пор от стыда стораю, режиссёр мне замечание сделала: «Николай, акцент убрать!» Я-то полагал, никто не замечает.

Играл в дублирующем составе. Потом ведущий актёр бросил репетиции. Сам по себе красивый парень, комсомолец, такой высокий, статный. А там танцы-реверансы. Платок упавший нужно поднять элегантно: нагибается, шпага халат задирает, тыкает в живот. Он до этого своей красотой играл. Себя играл. Танцующий, поклоны, паясничанье недолюбливал. Тем более в стихах. Опять же по комсомольской работе сильно загружен, освобождённый секретарь... Пришлось мне и в основном, и в дублирующем составе играть. Премьеру ждал с нетерпением, в страхе... Но опыт-

ные коллеги, готовые поддержать, всегда рядом. Вспомнили быль.

Накануне спектакля дебютант пригласил знакомого:

— У меня бенефис.

— Кого играешь?

— Оруженосца. Говорю положительному герою: «Валабуев, вот вам меч!»

— Давай поспорим: ты вместо «Валабуев» скажешь «Валах...ев».

— Не может быть...

— Точно.

Всю ночь актёр в панике зубрил проклятую роль. Не спал, ходил по комнате, твердил как заклинание: «Валабуев, Валабуев, Валабуев». Еле дождался утра. Премьера. Его выход. Весь бледный, в холодном поту, появился из-за кулис, решительно шагнул с мечом к главному герою:

— Валабуев! Ф-фуу... Вот вам ...уй!

В отличие от былинного героя, у меня, на счастье, всё прошло гладко.

По благу на завод устроили фрезеровщиком, чтоб вечером мог подхалтурить. Разряд, выше, выше. Коллектив прекрасный. Зарплата под конец — четыреста. Какие-то премии, чуть не каждый месяц. В местком уговаривают:

— Ну, напиши заявление.

— Какое заявление?

— На материальную помощь.

— Не буду.

— Пиши-пиши.

Пятьдесят рублей, семьдесят рублей плюс копейки. Как-то интересно было, хотелось жить. Такой добродушный народ. Чуть не женился там. Родители письма слали: «Когда домой? сколько будешь пропадать?» Всё такое. А надо было жениться, остаться... Квартиру предлагали. Парням выделяли охотнее. Одно условие: «Делай фиктивный брак!» Для меня это было очень странно — «фиктивный брак». И я свою очередь уступил. Мне в общезжитии нравилось. Там ребята весёлые, компанейские. Умные ребята. Любят труд. Понимаешь? Девять лет с ними прожил. В то время у меня другие подрушария «функционализовали», так думаю.

В России совсем-совсем другой народ... Открытый, добродушный.

Позавчера по Интернету отыскал родной Владивосток. Так далеко. Чуть не расплакался. Возвратиться бы... Театр — оттуда. Въелся он в меня!

Домой в Дагестан судьба вернула в восемьдесят пятом. Сразу же буквально, как в отдел культуры оформился, стал организовывать театральные кружки. Я знал своих учителей, даровитые люди некоторые из них... Помню, как вели уроки, действительно могли бы прекрасно играть. Приехал: они постаревшие, с сердечными болезнями. Преподаватель истории с горечью: «Чуть бы пораньше». Сперва я декламировал со сцены рассказы. Затем куклоослика сделал. Смотрел, смотрел по телевизору Никулина в цирке. У него лошадка была. Я сделал ослика. Получилось гораздо интереснее. Ослик глазастый такой, забавно фыркал. На празднике Первой борозды устроили скачки. Я решил: пристроюсь в конец, побегу создам, порадуя народ.

Анекдот есть такой. Мужчина рассказывает приятелю: «Ходил вчера на ипподром. В толпе развязался шнурок, нагнулся поправить, кто-то положил на спину седло». — «И что?» — «Первым пришёл».

Здесь, конечно, было совсем не так. Не дали мне даже до трассы дойти, на скачки никто не смотрел. Обступили, облепили, будто пчёлы. Дети уставились на ослика, угощают его, заглядывают вниз: как ходит? Все желают сфотографироваться верхом. Две попытки сделал пробиться, не удалось. Пришлось костюм скидывать и спасаться бегством.

Мне сразу прозвище дали — Клоун.

А мечта о создании театра не отпускала.

У нас в горах всегда танцы красивые были, песни. Но чтобы вам выразительные монологи, сценки... Не принято. Ничего драматического. И хотелось привнести.

Театр — это ж такая культура... Целый мир.

Бурная река — в кувшине!

Рай — на земле.

Репетировали то у меня дома, то в сарае.

Реквизит?.. Жена бухтела: «Не знаю, куда от тебя вещи прятать?» Простыня ли, колготки, шарф, старый чемодан — всё уходило в театр. Поехал в город, в русский драмтеатр. У них там склад огромный: парики, грим, декорации, причиндалы. Всегда есть что-то списанное. На базаре таких вещей не бывает. Уговорил художников по свету: уступили прожектора, плёнки всякие — свет-тень делать, иллюминацию. Ну вот так с миром по ниточке... Глава района дал добро. Проникся: «Дело хорошее!» Клуба в селе нет, так мы договорились, что представления будут в зале администрации.

Начал с деревенских рассказов Шукшина. Объединил их... несколько сюжетов. Там герои схожие, ситуации. Они как бы из образа в образ переходили. Постановка на русском языке. Иначе никак! В районе шесть национальностей: жители соседних сёл друг друга не понимают, когда говорят на родном. Поэтому текст приводил к общему «знаменателю». Тут всё ясно. А вот... с «актёрским материалом», скажем так, тяжело было. Лицедействовать люди не привыкли... Понятия не имели: что такое интонация, тембр голоса, мимика... На Чехова пытался замахнуться... Нет. Бесполезно. Не осмыслить образы до конца — скрыта глубина. Не удаётся довести идею, зыбкую грань чувств до исполнителей. Приходилось учиться на этюдах... Один плюс: все поголовно стали читать. Сами поражались: «Вроде бы Чехова в школе проходили, а ощущение такое, словно знакомимся впервые».

Я продолжал искать близкий по духу материал, агитировать соратников. Театр — творчество коллективное. В одиночку можно только мечтать. И вот однажды в библиотеке попала на глаза книга Исидора Штока «Божественная комедия» с весёлыми рисунками французского художника Жана Эффеля, с подзаголовком: «Подробная история сотворения мира, создания природы и человека, верного грехопадения, изгнания из рая и того, что из этого вышло». Пьеса в двух актах. Вообще-то, она написана для кукол... Думаю: что, если её самому перевести на местный материал? Не требуется большой фанта-

зии, чтобы представить: жизнь на земле пошла именно отсюда, из Дагестана. И где, как не здесь, строили Вавилонскую башню люди, возомнившие себя богами? (Не зря уверяют: если бы «понты» светились, в Дагестане ночью было бы светло как днём!) Где ещё живут на крохотном пятачке более тридцати национальностей, которые говорят на своих, непохожих языках? Где ещё отыщешь древние следы четырёх мировых религий сразу... Мне один старожил по великому секрету издала показал на высокогорном склоне остатки Ноева ковчега, причём с отметкой российского морского регистра на борту.

Самое трудное было написать первую страницу пьесы, но я не отчаивался. Ведь даже Бог не смог создать всё за один присест. В первый день он сотворил лишь небо и землю.

Итак, порешил Бог создать землю...

Ангелы по команде стали сбрасывать камни вниз. Накидали целые горы. Красиво получилось. Да вот напасть — зимой холодрыга... Неприступные ледяные вершины, и по ним дикие туры носятся как угорелые. Нет там ни кустика, ни травинки.

Бог часть вершин раздробил, сдвинул вниз, разгладил. Ангелам дал указания, вручил проектно-сметную документацию, всякое такое, но к сроку они не успели с благоустройством. Бог постановил: пусть люди сами проложат шоссейные дороги, проведут газ, воду. А то — всё наготово! Хоть что-то они умеют делать самостоятельно или только воевать друг с другом? Организовали ангелы силами горцев гвай, типа субботника: понасажали деревья, кустарники, устроили водопады, развели сады с абрикосами и черешней; загодя выпустили на душистые цветочные луга тучные стада спортивных коров, отары овец. Всё — на благо человека! Днём в этих местах тепло, ночью — прохлада. И главное, комаров нет. Спитесь хорошо. Рай Господь как раз и наметил сотворить здесь: на высоте тысячи метров над уровнем моря, с филиалами в Ахтынском, Хивском, Шамильском (одно время его будут именовать «Советским»), Хунзахском и Левашинском районах. И чтобы рай был похож на

рай, Бог оставил на видном месте рецепт бузы*. Говорят, что алкоголь в умеренных дозах полезен. Не могут ошибаться миллионы мужчин! А для туристов Бог распорядился наполнить Каспийское озеро морской водой, отсыпать золотым песком побережье. Чтобы гости могли, хотя бы на пляже, не париться в штанищах, а разгуливать в шортах, купаться и, разъехавшись по домам, прославлять солнечный Дагестан. Да ещё виноградников повелел развести видимо-невидимо: дабы за марочным вином и коньяком не бегать к соседям, чтобы лучше слагались песни у Расула Гамзатова, ну и чтоб свадьбы, дни рождения отличались от похорон. А один вредный падший ангел втихаря слепил плохиша с кляксой на лбу. Он виноградники те — под трактор. Ну, чтоб людям заново возрождать, на земле чтоб жилось нескучно...

Не было тогда ни ночи, ни дня... Одни серые будни. Неба нет. Солнца нет. Создатель и ангелы лежали на мягких белых облаках, скучали и от нечего делать хабарничали. (Почему-то все забыли, что слово «хабар» — рассказ, молва, слух — пошло именно из Дагестана. Город болтунов на Дальнем Востоке так и называли — Хабаровск.)

Работа над пьесой заняла у меня целное лето.

Подобрал несколько артистов. Все разные.

Айшат — ученица десятого класса. Она Еву играла. Такая стеснительная, до невозможности. Когда по сценарию они с Адамом уже ВСЁ... там есть диалог: «Адам, ты идёшь на рыбалку?» — «Да». — «Поймай мне селёдку».

Она бездумно произносила этот текст. Спрашиваю её:

— Ты понимаешь, что именно говоришь?

— Ну, «селёдку».

— А зачем тебе селёдка?

— Не знаю, здесь так написано.

— Речь идёт о том, что ты беременна, тебе захотелось солёного.

Она вообще перестала эту фразу произносить. Чуть совершенно не замкнулась... Начала с ней со стихов из школьной программы, чтобы правильно могла читать. Постепенно

страх преодолела. Втянулась. Понравилось. Расправила крылья! И однажды откровенно призналась:

— Ниям Алиевич, оказывается, сцена — космический корабль!

Тимур. На год постарше её. Смышлёный такой. Адама играл. На волейбольной площадке его нашёл. Говорю:

— Приходи!

— А кто ещё будет?

Ему же интересно.

Учителя поначалу ревновали, что я детей на репетицию заманиваю, а потом, когда заметили: дети стали другими, открытыми, приветливыми, — успокоились. Некоторые даже сами записались.

Физрук Мизам Гаджиевич. Набожный человек, с такими строгими принципами... А ему нужно было играть падшего ангела. Для него придумали короткие панталоны, шарф оранжевый длинный, словно комета.

— Неужели выйду к людям в этом наряде?

Вышел.

Ещё согласились работники Дома детского творчества, врачи. Среди них один я культработник. Таланты выискивал по всему селу, уговаривал, приводил. Они не подозревали в себе артистических способностей. Случались, конечно, и добровольцы. Но с ними без толку работать. Они где-то что-то перед зеркалом намудрят себе. Всё время роль изображают. Просто хотят покрасоваться у всех на виду. Я много бывал с ребятами в походах, на соревнованиях. Там хорошо люди познаются. Смотришь, как они общаются друг с другом, шутят. Отмечаешь, у кого получается оригинально.

Самого Бога играл я. Он реже всех появляется на сцене, и это позволяет наблюдать за игрой всей труппы. Костюм для Творца сделал балахонистый, из золотистой парчи. Падшему ангелу — из синего велюра, немаркий. Ведь по сюжету он между небом и землёй. Трудно ему живётся, вечно в командировках. А правильному ангелу пошил воздушные пинетки из ваты и спецодежду с крылышками. Сочетание жёлтого, голубого с белым. Чисто белое у нас

воспринимается не как внизу... Полностью белый — лишь саван. Когда Айшат назвала театр «Белая птица», я так и объяснил ей: белый цвет в горах — символ смерти.

В Махачкале профессиональный режиссёр заявила: «Вы эту пьесу поставить не сможете. Адам и Ева голые. Что будете делать? Да вас засмеют». Я всё продумал: нашёл для них байбак — такой плотный материал. Сначала Создатель как бы лепит «пионера». Из-под стола появляются руки, какие-то детали — идёт создание первого человека. Потом Господь вдыхает жизнь в плоть. Тело оживает. Ну, понятно, Адам совсем налегке и в то же время не обнажённый. Условность. Дело совсем не в этом. Главное, что потом ему операцию сделали, ребро вынули. Из ребра состряпали Еву. Они влюбились. Стали едины плоть. И пошли на земле люди...

Мне показалось, к началу премьеры главные герои сами стали равнодушны друг к другу. Во всяком случае, Тимур старался как мог не смотреть на Айшат, не замечать её, реплики отрывисто произносил в сторону... Она смущённо аела.

* * *

Представление назначили на пятницу. Через два часа после общего намаза в джума-мечети селяне стали подтягиваться к администрации. Занавеса в зале заседаний нет, поэтому весь реквизит мы расставили на сцене заранее. А для того чтобы актёрам выходить, менять по ходу пьесы картины, условились выключать общий свет. Участники спектакля собрались в боковой комнатке и, кажется, не дышали. Через приоткрытую дверь шёл нарастающий гул. Зал набился битком, человек триста. Кто сидел-стоял, кто висел на подоконниках, на двери. Никто, что такое театр, не знает. Гвалт стоит. Нужно представление начинать, а публика не может утихомириться...

Мизам Гаджиевич сквозь зубы процедил:

— Сейчас оторву ножку стула, начну усмирять...

— Пора! Шум не замечайте и, главное, не смотрите в зал.

А сам боюсь: микрофонов нет. Мизансцены разные. Ведь иногда нужно, чтобы шёпот до последнего ряда слышен был. Стараясь занять свои мысли, я принялся осматривать у всех костюмы, поправлять головные уборы, причёски...

Тимур украдкой сунул в руку Айшат сложенную из тетрадной страницы белую птицу...

Всё. Пора. Я включил магнитофон. Из выносных динамиков полилась волшебная музыка, по моему сигналу погасили свет, я торжественно вышел на сцену, плавно поднял руки, свет включили, представление началось...

Зал затих.

— Акт первый! Не было ни ночи, ни дня... Серые сумерки. Неба нет. Солнца нет. Создатель и ангелы лежали на мягких белых облаках и скучали...

Пока я говорил, Айшат и Тимур на четвереньках, чтобы зрители не увидели, пробрались из боковой комнатки на сцену, спрятались под тканью.

— Пее-рвый а-ангел! — патетично, нараспев воззвал я.

Мизам Гаджиевич явно нехотя, как-то бочком, вылез на сцену.

— И физкультурник туда же! — в зале радостно загудели, потом кто-то грозно шикнул, опять стало тихо.

— Расскажи-ка нам, любезный, что творится в нашей и соседних галактиках?

Я дважды на разные лады, настойчиво повторил вопрос. Мизам Гаджиевич, неприлично бледный, молчал по-мхатовски.

— Ле!!! Зачем выпустили немого?

Пришлось выкручиваться:

— Не знаешь, что сказать? Это потому, что ни единой души, кроме нас, нет кругом. Откуда же быть новостям? А вот мы сейчас создадим человека.

Я тихонько обошёл Мизама Гаджиевича, боясь спугнуть его, навис над кучей ткани, точно хирург, и начал колдовать, делать руками пассы, тихонько невнятно бормотать себе под нос таблицу умножения... Из складок появилась рука, потом голова...

— Смотри, смотри, кукла глазами моргает!

В зале стало невыносимо душно, открыли настежь дверь, окна.

Когда Ева по сценарию должна была поцеловать Адама, чувствовалось по всему, спектакль достиг высшей точки напряжения. Кто-то, давясь от смеха, крикнул отцу Айшат на весь зал:

— Мирзабек, твоя дочь сама полезла целоваться с сыном Раджабова.

— Харам! Кто возьмёт такую замуж? Она опозорена навсегда! — змеёй шипела из первого ряда тётка Айшат.

Я видел: Мирзабек горделиво вскинулся, взгляд его иглой репейника уколол дочь; он зло хлопнул сиденьем и, опустив голову, стал пробираться к выходу. Я внутри дрожал: по адатам села девушка-горянка не смеет подойти к мужчине ближе чем на три шага, посмотреть прямо в глаза. А поцеловать...

Но ведь это театр!

Не знаю, чем бы всё кончилось, но тут раздались настойчивые голоса:

— Дайте посмотреть.

— Не мешайте!

— Не нравится — уходите!

Подбадривающих, заинтересованных горцев оказалось значительно больше.

В конце пьесы они одарили артистов дружеским смехом, возгласами и щедрыми аплодисментами. Односельчане горячо уверяли, что понравилось, однако какое-то беспокойство... червоточинка... остались у меня в душе.

На следующий день Айшат не пришла. Через школьную подругу узнали: отец ей на улицу показываться запретил. Впереди было лето, хотелось верить — к осени всё утихнет, забудется. А спустя месяц на годекане расхабарничались, что к Айшат приезжали свататься из соседнего аула. «Ударь дочь со всей силы папай, если устоит на ногах, значит, пора выдавать замуж», — такова дагестанская народная мудрость, которой на протяжении столетий руководствуются отцы в горных селениях. Сейчас, когда советская власть кончилась, старику, по слухам, обещали за Айшат ещё и богатый калым. Жених посватался из семьи почтенной, состоятельной.

А в сентябре, за два месяца до свадьбы, случилась беда...

Тётка Айшат чёрным вороном, переваливаясь с боку на бок, ходила по людям от одной сакли к другой, поджидала женщин у родника, каркала вслед:

— Забрюхатила потаскуха. От сына Раджабова. Скрыла от матери. Не углядел за ней Мирзабек. Вай, всему нашему роду горе!

Старики на годекане живо обсуждали происшествие. Сначала между собой. Затем послали за старым Мирзабеком, призвали к ответу. Для порядку. Хотя решение есть готовое. Веками, из поколения в поколение, горцы неукословно исполняли адаты, потому и сохранились в этом изменчивом кипучем мире. Законы гор требовали: виновным — смерть!

И тётка Айшат не унималась, натравливала:

— Дочь опозорила тухум... Надо отомстить. Паршивца убей или её. Смерть!

Старик, опершись на посох, стоял, ожидая приговор аксакалов. За всех сказал самый почтенный:

— Мирзабек, убить Тимура — значит развязать кровную месть. Его и так накажет Аллах. Смой позор со своих седин, со всего аула. Убей дочь!

* * *

Айшат сидела запертая в тёмном пыльном чулане...

Свет едва пробивался через крохотную щелку плотно закрытых ставней. «Совсем как человеческая жизнь, — грустно думала она. — Лучик света, стиснутый двумя чёрными бесконечностями». Старалась заснуть. Не могла. Чувствовала: один раз к двери подкралась мать, долго стояла, так же крадучись ушла. Временами Айшат гладила свой живот, пытаясь угадать новую жизнь, и тогда счастливая улыбка пробегала по её лицу. Потревожив налитую грудь, она достала бумажную птицу, приложила к сухим губам.

Айшат понимала, что её ждёт, но ни о чём не жалела. Любила, как прежде.

У папы и мамы просила в мыслях прощения и

почему-то была уверена, что ещё увидится с ними... там... И они уже не расстанутся никогда.

Стемнело. Она слышала: вернулся отец. Отбивая на каждом шагу коваными сапогами отрывистый бой, он подошёл к чулану, долго... нестерпимо долго гремел стальной цепью, замкнутой всяким замком.

Айшат укрыла на груди белую птицу.

— В горы пойдём, дочка, собирайся.

Дада* вывел из сарая ишака, накиннул грязную попону.

Луна поднялась над саклей.

Круглая, яркая, жёлтая, словно овечья брынза. Айшат смотрела на неё с интересом, будто видела впервые... За спиной раздались быстрые шаги. Рот крепко зажала мозолистая рука отца. Сверкнул кинжал...

Последнее, что Айшат увидела, была красивая белая птица.

Она тихо летела к луне, с каждым взмахом делаясь всё меньше, меньше, пока не растворилась совсем.

Эпилог

Свои попытки создать театр я на этом прекратил.

А лет через десять в Каякентском районе создали. И назвали... Почти как мечтала Айшат: театр «Синяя птица».

Удачи и высокого полёта райской птице счастья!

Горный район Дагестана, 2010 год

Словарь

Ворчъами! (*авар. к мужчине*) — Здравствуй! Доброе утро!

Буза — национальный божественный спиртной напиток.

Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы.

Дада (*авар.*) — папа.

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Фотохудожник.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

